

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ТРЕХ ПАРАДИГМ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В МИРОВОЙ ПРАКТИКЕ

Статья посвящена актуальным вопросам формирования и развития моделей ювенального судопроизводства в мировой практике. Исследуются особенности реализации карательной, реабилитационной и восстановительной парадигмы ювенальной юстиции.

Ключевые слова: несовершеннолетние, ювенальное правосудие, восстановительное правосудие

T.V. Isakova

THE STRATEGY OF DEVELOPMENT OF THREE PARADIGMS OF JUVENILE JUSTICE IN THE WORLD PRACTICE

This paper is devoted to the current issues of formation and development of models of juvenile justice in world practice. In the paper the features of realization of punitive, rehabilitation and restorative paradigm of juvenile justice are investigated.

Keywords: minors, juvenal justice, restorative justice.

Идеи и практические формы ювенальной юстиции формировались в XIX в. и всегда привлекали к себе внимание ученых разных направлений, но в последние десятилетия по мере накопления проблем усилился и научный интерес для исследователей проблем реагирования на преступления несовершеннолетних.

Л.М. Карнозова подчеркивает, что ювенальная юстиция изначально сформировалась на оппозиции по отношению к идее и практике уголовного наказания несовершеннолетних [1, с. 66]. Однако с течением времени одна парадигма ювенальной юстиции сменялась другой, в рамках одной и той же парадигмы возникали новые идеи, релевантные для конкретной ситуации в мире или же для определенной страны.

Ховард Зер определяет парадигму как «линзу», через которую мы видим проблему и в рамках которой мы определяем возможные пути ее решения [2, с. 15]. Американский исследователь Гордон

Бэйзмор в рамках ювенальной юстиции выделяет три парадигмы: карательную, реабилитационную (или «индивидуализации обращения») и восстановительную [3, с. 8]. В первую очередь, необходимо определить границы и рамки реабилитационной парадигмы ювенальной юстиции, поскольку именно с нее и начиналась ювенальная юстиция.

Реабилитационная парадигма ювенальной юстиции, или парадигма «индивидуализации обращения», или модель социальных услуг, основана на том, что делинквентное поведение здесь объясняется нарушением процессов социализации ребенка. С самого начала данная парадигма была построена вне принципа ответственности правонарушителя, а главной ценностью признавалось благополучие ребенка [4, с. 45]. Сейчас основой в рамках данной парадигмы является ресоциализация несовершеннолетних, совершивших правонарушения, которая включает в себя социальную, психотерапевтическую и воспитательную работу с правонарушителями. Для комплексной работы с несовершеннолетними правонарушителями привлекаются компетентные органы (социальные службы, воспитательные учреждения) и разные специалисты, которые и должны «социализировать» правонарушителей. Реабилитационная парадигма, ставит во главу угла не наказание правонарушителей, а именно эти меры (воспитательные, социальные, психотерапевтические), но при этом игнорирует причинение вреда «жертве». Стоит отметить, что данная модель не раз подвергалась критике. Среди основных причин ее нестойкости выделяли необъективность, патернализм, социальную стигматизацию, дороговизну, слишком большую продолжительность применяемых мер. Идея реабилитационной ювенальной юстиции не несет в себе ничего, кроме ресоциализации самого правонарушителя. Переживания жертвы и даже самого правонарушителя, ответственность за совершенные правонарушения, возмещение вреда – все это остается за границами реабилитационной парадигмы.

На протяжении всего прошлого века карательная и реабилитационная парадигмы сосуществовали рядом друг с другом. В 1980-х гг. в США ювенальная юстиция, преследовавшая цель реабилитации несовершеннолетних правонарушителей, стала приобретать карательную направленность из-за объявленной Рональдом Рейганом «войны» с наркотиками и уличными бандами. В 1984 г. Верховый Суд даже разрешил содержать детей, ожидающих судебного разбирательства, в пенитенциарных учреждениях вместо того, чтобы позволить им внести

залог. Проводимые государственные реформы того времени ужесточили наказание за ряд уголовных преступлений, в том числе и для несовершеннолетних и облегчили процесс судебного разбирательства преступлений, совершенных несовершеннолетними, по общим правилам. Эти политические реформы снизили минимальный возраст, при котором несовершеннолетний мог рассматриваться как взрослый, и расширили список преступлений, за совершение которых несовершеннолетние могли рассматриваться как взрослые, но с некоторыми изъятиями: в деле «Кент против Соединенных штатов Америки» Верховный Суд постановил, что при передаче несовершеннолетнего под юрисдикцию общеуголовного суда, необходимо разрешить подсудимому распоряжаться своим правом быть выслушанным в полной мере в суде по делам несовершеннолетних, быть представленным адвокатом, иметь доступ ко всем материалам дела, получить мотивированное решение судьи о переводе его (несовершеннолетнего) в общий суд [5, с. 395].

Несмотря на принятые меры в 1980-х и 1990-х наблюдался резкий скачок уровня преступности и численности заключенных, в том числе несовершеннолетних, приговоренных к отбыванию наказания в исправительных учреждениях. В этот же период материалы всех процессов с участием несовершеннолетних стали доступны для широкой общественности: приоритет от защиты частной жизни несовершеннолетних (а это один из важнейших принципов ювенальной юстиции) сдвинулся в сторону соображений общественной безопасности. Таким образом, произошло смешение целей реабилитации несовершеннолетних и ужесточения наказания за совершенные ими поступки.

Гордон Бэйзмор отмечает, что в наши дни модель карательного правосудия в сфере юстиции в отношении несовершеннолетних берет свое начало во времена президентского срока Рональда Рейгана, когда при Министерстве юстиции США был создан ювенальный суд, ориентированный на наказание юных правонарушителей [3, с. 20]. Карательный метод ювенальной юстиции отдает приоритет уголовному наказанию как единственному верному способу борьбы с преступностью. Идея карательного правосудия для несовершеннолетних возникла как «ответ» на беспорядочность и непоследовательность принятия решений, свойственные реабилитационной парадигме. И идея уголовного права – «наказание по заслугам», которая впоследствии привела к злоупотреблению наказанием, – вернулась ювенальную юстицию раньше. В 70-е гг. прошлого столетия принимались различные законо-

дательные акты в области ювенальной юстиции, где четко определялась ведущая роль уголовного преследования, регламентировались санкции за определенные виды преступлений. Таким образом, акцент с ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей сместился в сферу обязательного уголовного наказания. Гордон Бэйзмор отмечает, что «карательный подход давал понять прокурорам и специалистам, принимающим решения, что уголовное наказание – это и есть надлежащая реакция на неправомерное поведение... а легализация карающего наказания создала предпосылки к более суровым наказаниям» [3, с. 22]. Таким образом, ни реабилитационная парадигма ювенальной юстиции, призванная снизить уровень преступности среди несовершеннолетних, ни карательный подход, постоянно смещавшийся в сторону ужесточения, не привели к желаемым результатам.

Отсутствие эффективности, экономической выгоды, снижения уровня преступности среди несовершеннолетних и привело исследователей в области ювенальной юстиции к осознанию необходимости новой «восстановительной парадигмы». В основу данного подхода была положена идея ответственности за свои поступки, основанная на позитивных ценностях [6, с. 38]. Необходимым элементом данной парадигмы является помощь правонарушителям в осознании того, что они причинили своим поведением вред другим людям, и что данное поведение является неприемлемым. Нильс Кристи, стоявший у истоков восстановительного правосудия, отмечает, что общество осознает ограниченность возможностей и несостоятельность карательной и реабилитационной парадигм, а также их оторванность от проблем самого преступника, его жертвы и общества [7, с. 55].

Парадигмы карательного правосудия и подхода индивидуализации обращения сузили границы ювенальной юстиции до правосудия, ориентированного только на преступника. В рамках восстановительной модели признается необходимость участия граждан на уровне «социальных контролеров» [7, с. 55]. Гордон Бэйзмор считает, что восстановительная парадигма способна интегрировать «действия по наложению санкций, реабилитации, обеспечению безопасности и восстановлению жертв преступлений» [3, с. 32]. В рамках восстановительной парадигмы одним из ключевых понятий является «ответственность», в том числе и коллективная ответственность, которая распределяется между самим правонарушителем, его семьей, общественной и социальной службой. Здесь «ответственность» не отождествля-

ется с наказанием, как это принято в уголовном праве. Стоит отметить, что в зарубежном праве в некоторых странах восстановительный подход распространяется не только на сферу ювенальной юстиции, но и на правосудие в отношении взрослого населения.

Определяя сущность делинквентного поведения, восстановительная парадигма, в отличие от карательной, которая рассматривает преступление как нарушение закона, фокусируется на причинении вреда пострадавшему и обществу. И, соответственно, центральной идеей данного подхода является возмещение ущерба, признание причиненного вреда и примирение сторон. Фокусом восстановительной парадигмы являются равные возможности участия в процессе ювенальной юстиции для сторон. Восстановительная юстиция способствует тому, чтобы удовлетворить нужды всех участников процесса, компенсировать их потери, вовлечь пострадавшего и общество в процесс принятия решения.

Таким образом, восстановительное правосудие в отношении несовершеннолетних исходит из следующих постулатов:

- любое правонарушение вмешивается в жизнедеятельность не только самого правонарушителя, но и жертвы, их семей, ближайшего окружения, местного сообщества и общества в целом;

- правонарушитель способен самостоятельно нести социальную ответственность и компенсировать вредные последствия своего делинквентного поведения;

- для достижения целей восстановительного правосудия (осознания правонарушителем неприемлемости своего поведения, восстановления прав жертвы, возмещения ущерба) необходимо реабилитировать и интегрировать правонарушителя в общество.

Стоит отметить, что на протяжении всего прошлого века две парадигмы ювенальной юстиции – реабилитационная и карательная, сменяли друг друга, а иногда и сосуществовали одновременно. Однако недовольство общества, отсутствие эффективности данных подходов привело к тому, что возникла острая необходимость в смене существующей системы ювенальной юстиции. На смену и в оппозицию реабилитационной и карательной парадигмам пришла идея восстановительного правосудия. Сегодня восстановительная парадигма не стала доминирующей в ювенальной юстиции, но она служит маяком для ее развития [8, с. 126].

И это обстоятельство отражено в ряде международных рекомендаций в области детского правосудия. Первым международным правовым документом, закрепляющим основные принципы ювенальной юстиции, стали Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних 1985 г. (Пекинские правила), которые были ориентированы на интеграцию несовершеннолетнего правонарушителя в общество. В развитие идей Пекинских правил в 1989 г. была принята Конвенция ООН о правах ребенка, представляющая универсальный международный договор, в котором закреплены основные гражданско-политические, социально-экономические и культурные права детей до достижения ими совершеннолетия. В 1990 г. были приняты Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, предусматривающие порядок обращения с несовершеннолетними, лишенными свободы, Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы), устанавливающие комплекс мероприятий по профилактике преступности среди молодежи. В целом, указанные международные нормативно-правовые акты ориентированы на идеалы классической ювенальной юстиции: благополучие ребенка, приоритет воспитательных мер, индивидуализация обращения. Среди других международных актов стоит выделить и Рекомендации Rec (2003) 20 Комитета министров Совета Европы Государствам-членам, касающиеся новых способов работы с преступностью несовершеннолетних и роли правосудия по делам несовершеннолетних и Рекомендации Комитета Министров Совета Европы по правосудию, дружественному к ребенку. В данных рекомендациях уже прослеживается ориентация на использование восстановительного подхода при отпращивании правосудия в отношении несовершеннолетних: забота об интересах и потребностях жертвы, использование программ медиации и восстановительного правосудия¹.

¹ Рекомендации Rec (2003) 20 Комитета министров Совета Европы Государствам-членам касательно новых способов работы с преступностью несовершеннолетних и роли правосудия по делам несовершеннолетних. Ч. II п. 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-442> (дата обращения: 10.09. 2017); Рекомендации Комитета Министров Совета Европы по правосудию, дружественному к ребенку. Приняты Комитетом Министров 17 ноября 2010 года на 1098-й Встрече Заместителей Министров [Электронный ресурс]. URL: <http://soprotivlenie.org/zakon/rekomendacii-komiteta-ministrov-se-po-pravosudiyu-druzhestvennomu-k-rebenku/> (дата обращения: 10.09.2017).

Список использованной литературы

1. Карнозова Л. М. К модели восстановительной ювеноальной юстиции // Альманах «Неволя». Приложение к журналу «Индекс». – 2005. – № 4. – С.45.
2. Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание : пер. с англ. / общ. ред. Л.М. Карнозовой ; коммент. Л.М. Карнозовой, С.А. Пашина – М., 2002.
3. Бэйзмор Г. Три парадигмы ювеноальной юстиции // Восстановительная ювеноальная юстиция. – Пермь, 2006. – С. 6–36.
4. Карнозова Л. М. Ювеноальная юстиция в России: прошлое, настоящее, будущее // Вопросы ювеноальной юстиции. – 2017. – № 2. – С. 66.
5. Feld B. In re Gault revisited: A cross state comparison of the right to counsel in juvenile court // Crime and Delinquency. – 1988. – Vol. 34, № 1. – P. 393–424.
6. Брейтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение. М., 2002.
7. Кристи Н. Пределы наказания. М., 1984.
8. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе. М., 2016.

Информация об авторе

Исакова Татьяна Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 670013, Российская Федерация, г. Улан-Удэ, Ключевская, 40в, e-mail: tisakova@mail.ru.

Information about the author

Isakova, Tatyana V. – PhD in Law, Associate Professor, East Siberian State University of Technology and Management, 40v Kluchevskaya st., 670013, Ulan-Ude, Russian Federation, e-mail: tisakova@mail.ru.